

МИРЫ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ

КНИГИ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ

Волкодав

Волкодав. Право на поединок

Волкодав. Знамение пути

Волкодав. Самоцветные горы

Волкодав. Истовик-камень

Волкодав. Мир по дороге

Валькирия

Лебединая дорога

Меч мёртвых

(в соавторстве с А. Константиновым)

Викинги

Поединок со Змеем

Бусый Волк

(в соавторстве с Д. Тедеевым)

Книга 1. Кузница ветров

Книга 2. Берестяная книга

Там, где лес не растёт

Братья

Книга 1. Тайный воин

Мы — славяне!

Аратта

(в соавторстве с А. Гуровой)

Книга 1. Великая Охота

МАРИЯ СЕМЁНОВА

АННА ГУРОВА

АРАТТА

Книга 1

ВЕЛИКАЯ ОХОТА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ПРОЛОГ

Полдюжины стражей-накхов в неизменно черных одеяниях на караковых жеребцах неспешно проследовали по широкой улице к Царским вратам храма Солнца. В Верхнем городе их открывали всего лишь дважды в год — в день зимнего и летнего солнцеворота.

Нынче как раз была зима. По небу ползли низкие мохнатые тучи, из-за которых изредка пробивался ослепительный солнечный луч, и сразу снова скрывался в сизой хмари. Порывами налетал теплый ветер, особенно сильный здесь, в Верхнем городе, на вершине горы. Недавно прошел дождь, и воздух дышал влагой. Обе стороны улицы, ведущей к храму Исвархи — Господа Солнца, — были запружены нарядной толпой. Плошки — масляные светильнички, свечи, факелы в руках у людей то и дело гасли, вынуждая их со смехом обращаться с просьбой об огне к соседям. Все жители столицы — в лучших одеяниях; дома чисто прибраны, пыль и грязь — к Первородному Змею! Младшие боги на домашних алтарях напоены молоком, на столах уже стоят блюда со сладостями, двери оставлены открытыми — вдруг кто-либо из богов или добрых духов решит нынче посетить смертных? А если нет, так и соседям будем рады!

Повсюду звучали смех и болтовня, однако взгляды зевак постоянно устремлялись в начало улицы, откуда уже скоро должна была появиться Солнечная колесница. Она выедет из храма Вартхи, Ветра-во-Тьме, где хранится в тайне и мраке весь год, и торжественно проедет до Царских врат, ведущих в главный храм Аратты. Сам солнцеликий

повелитель взойдет на нее сегодня! А еще ходят слухи, что он впервые покажет народу своего наследника, маленького царевича Аюра.

С утра Верхний город, и так величественно-роскошный, вычистили до совершенного сияния, вымыли улицы; крыши заняли лучники-арьи, и только тогда открылись ворота, и шумные пестрые толпы из Нижнего города хлынули к храму. Пешие стражи-жезлоносцы стояли вдоль главной улицы, пинками отгоняя самых ретивых от дороги, по которой поедет Солнечная колесница. Всадники-накхи, пустив коней шагом, внимательно оглядывали толпу. Лица их были закрыты шлемами с кольчужной бармицей, оставлявшей лишь узкую прорезь для глаз. Ширам, сын Гауранга, глядя на них из толпы, с гордостью невольно припомнил слова отца: «Вступая в бой, ты больше не человек — ты воплощение смерти. А смерть стирает лица. Она приходит невидимой и уходит незаметно».

Ширам и сам носил такой же шлем. Впрочем, не только он — все накхи, обитающие в столице, сегодня были здесь, в Верхнем городе. Так велела им традиция и собственное желание. Ширам, сын Гауранга, прибыл в столицу всего несколько дней тому назад. Его дед, саарсан всех накхов, бывший бы их повелителем, когда б Накхаран был вольной страной, оглядев внука, напутствовал его:

— Мы — накхи. Мы дали слово, и никто никогда не нарушил его. Повелитель Аратты щедр и справедлив к нам. Так отправляйся в столицу и служи верно. Теперь ты — воин государя.

Он обвел глазами двенадцать лучших воинов рода Афайи, которым предстояло сменить в рядах Жезлоносцев Полуночи прежнюю дюжину, отосланную год назад в пору зимних дождей. Те невольно подобрались под суровым взглядом саарсана. Каждый знал, насколько высока честь охранять повелителя арьев, солнцеликого отца всех народов Аратты.

И вот теперь Ширам стоял и глядел в сторону храма Ветра в ожидании появления процессии. Как и все, он осознал, насколько важен этот ритуал. Если великий госу-

дарь Ардван не проедет на Солнечной колеснице, открывая врата зимнему солнцу, то страшно даже предположить, какие несчастья и беды обрушатся на весь мир в грядущем году! Змей, оставшийся непобежденным, вновь зашевелится в своих темных безднах, в глубине вод омывающего землю океана. И снова обрушатся на окраины великой Аратты наводнения, снова затрясет землю... Тем важнее нынешнее действо! Пусть повелитель проедет благополучно — и ход солнца в небе в этот год ничто не потревожит. А он — как и все прочие накхи, — сделает все, чтобы защитить божественного повелителя. И конечно же он, внук саарсана, должен быть сегодня неподалеку от государя, с оружием в руках...

Но к его огромной печали, саардас, командовавший отрядом, велел ему покуда не торопиться и присматриваться. Даже в оцепление по краям дороги его не поставили. Вот почему сейчас Ширам не гарцевал на коне впереди своей дюжины на глазах у восхищенной толпы, а стоял в первых ее рядах и вместе со всеми ожидал проезда государя, солнцеликого Ардвана.

Арьи-трубачи, стоявшие в промежутках между застывшими воинами-накхами, повинувшись неслышимому приказу, подняли трубы, изготовленные из витых рогов горных козлов, и над притихшей улицей пронесся такой рев, что толпа отпрянула назад. Трубам ответили бронзовые гонги; словно сердца великанов, глухо загремели обтянутые кожей огромные барабаны.

— Приближается! — зашумели в толпе. — Вон, уже!

Государь Ардван, в расшитом золотом одеянии, слепящий, как солнце, которое он и воплощал, в усыпанной камнями диадеме с двенадцатью зубцами, стоял на царской колеснице, управляемой великим конюшим. Как нарочно, солнечный луч пронзил косматое облако и, точно копьем, ударил в золоченую кровлю храма, заставив зажмуриться и восторженно ахнуть всех стоящих вдоль улицы. Какое доброе предзнаменование! А ведь праздник только начинается. На закате состоится красочное представление: воин-государь Исварха будет побеждать Змея Тьмы. В прошлом

году Змей был сорок локтей длиной и такой жуткий с виду, что дети плакали от одного его вида. Не испугается ли царевич?

А вот и он — не подвели слухи! Держась двумя руками за передок колесницы, ехал наследный царевич Аюр — сияющий, как новая монетка, большеглазый мальчик лет восьми. Рядом с ним стояла еще и царевна, чуть старше его, похожая на расписную куклу. При виде божественных детей толпа разразилась ликующими криками.

Стражи-накхи мерно ступали вокруг колесницы: трое спереди, трое сзади, по трое по бокам. В руках они несли тяжелые жезлы, увенчанные небольшими топорками в виде орлиных крыльев. Ширам с завистью поглядел на саардаса, лично возглавлявшего эту дюжину. Как бы желал он когда-нибудь встать вот так же рядом с государем! Хранить его от любого врага, исполняя высший долг накха — нерушимой верностью оправдывать милость и доверие правителя к двенадцати высоким родам Накхарана...

Он смотрел не отрываясь. Вдруг воспоминание будто палкой ударило его по спине. «Не смей завидовать! Ты не знаешь, что, кому и для чего дает судьба. Бери свое смело, а на чужое не зарься!»

Устыдившись, Ширам отвел глаза. Взгляд его невольно упал на рослого накха, стоявшего чуть впереди, совсем рядом с дорогой. «Экий верзила», — подумал он, присматриваясь. Среди накхов высокие мужчины встречались нечасто. Этот, похоже, был из них. Но кто таков? Почему прежде, в дозоре или на учениях, Ширам его не встречал? Заинтересованный взгляд юноши скользнул по клинкам, закрепленным за спиной сотоварища. Нет, что за ерунда? Ни один накх не повесит так оружие. Настолько низко, да еще прямо вдоль хребта... Для того чтобы выхватить мечи, придется долго нашаривать за спиной рукояти, а затем тащить вверх — косу себе ненароком не отрежет? Неужели в отборную гвардию затесался какой-то олух?

Ширам легко, не напрягаясь, повел плечом, сделал едва заметный шаг и оказался совсем рядом с верзилой. Лицо того, как и положено, было закрыто кольчужной маской.

Юноша глянул на рисунок, украшавший навершие мечей, и обомлел. Две светлые изломанные линии, извиваясь зубцами, тянулись вдоль бронзового «яблока», и четыре точки между ними недвусмысленно говорили о принадлежности воина к роду Афайи — его собственному роду! Но...

Ширам задохнулся от внезапно нахлынувших позозрений.

— Едут, едут! — завопили все, и толпа хлынула вперед. Люди принялись напирать и толкаться. Краем глаза юноша увидел приближающихся соплеменников и золотистых длинногривых жеребцов, влекущих Солнечную колесницу. Он почувствовал, как странный нахх сгибает колени, будто готовясь к прыжку...

«Это не наш!»

Не говоря ни слова, Ширам саданул локтем в грудь ближайшего соседа, перескочил через его падающее тело и, обнажая клинки, бросился на чужака:

— Ата-ай!

В этот же миг, будто повинуюсь крику Ширама, из толпы прямо под ноги скакунам полетели глиняные сосуды, из которых повалили клубы густого вонючего дыма. Юный воин почувствовал, как по чешуе его доспеха, скрытого под черным одеянием, скользнул удар. Не оборачиваясь, он шагнул назад, наступил на ногу нападающему и коротко ткнул мечом. Позади раздался и сразу оборвался вопль.

Время будто растянулось. Ширам видел, как очень неспешно поворачивается к нему лженакх. Как выхватывает из-под черной рубахи длинный кинжал, как замахивается им... Для всех прочих эти движения слились бы в один кратчайший миг. Но Ширам мог бы за это время спеть хвалу отцу и деду, обучившим его танцу Афайи. Клинок ударил под кольчужный воротник врага, и нахх почувствовал, как острие его меча входит в горло, как теплеет металл от льющейся по нему крови.

Жезлоносцы Полуночи уже были рядом. Не обращая внимания на зловонный дым, они пинками и ударами жезлов заставляли всех лечь на землю, вытянув руки перед собой. Лишь Ширам остался стоять над мертвым телом врага.

Государь Ардван сошел с колесницы и принялся разглядывать переодетого убийцу. Ширам впервые увидел солнцеликого так близко. Склоняя голову, он невольно подивился тому, что повелитель Аратты — такой же человек, как он сам, с немолодым и усталым лицом. Юный накх искоса бросил взгляд на царских детей — те выглядывали поверх строя сомкнувшихся стражей, тараща огромные, ярко подведенные черным глаза. Царевна встретилась взглядом с Ширамом и закашлялась от дыма. Но никто из них не плакал. Должно быть, не поняли толком, что произошло...

— Неужели кто-то из накхов предал меня? — раздался возмущенный голос повелителя.

— О нет, мой государь! — Ширам стремительно опустился на корточки около трупа, сорвал с его головы шлем. Лицо мертвеца было смуглым, как и у самого Ширама.

— Так все же измена вьет гнезда в ваших сердцах...

Ширам качнул головой и резко провел указательным пальцем по щеке неудачливого убийцы. На коже осталась светлая полоса.

— Это не накх. — Он приподнял веко и поглядел на голубой зрачок. — Это арий.

Часть 1

ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

Глава 1

ЗМЕИНЫЙ ЯЗЫК

— Привал закончен! Выступаем! Остался всего один переход — и мы попадем в землю Великой Охоты!

Аюр встал с ковра, торопливо дожеввал соленую полоску вяленого мяса (такая пища только в пути и кажется вкусной, а дома совершенно несъедобна) и зябко завернулся в плащ — алый, расшитый золотыми конями, с подкладкой и оторочкой из меха рыси. Дикари-погонщики, отдохавшие поодаль, рядом со своими мамонтами, тут же подняли глаза, раскрыли рты, да так и замерли, глядя на чудесный плащ как зачарованные.

Святое Солнце, какой же тут холод — а ведь нынче лето! И ветер все время дует, сырой и студеный, и от земли веет морозом. «Что ж ты хочешь, — сказал на это Ширам, глава его телохранителей. — Приятное место Змеиным Языком не назовут!»

Аюр уныло посмотрел по сторонам. Так оно и было. Издалека Змеиный Язык казался загадочным и полным чудес, а вблизи — однообразные беслесные плоскогорья с торчащими из высокой травы причудливыми скалами. Первое время царевича занимало все — езда на мамонтах, косматые мохначи в шкурах, непривычные, стелющиеся по земле горные растения, незнакомые голоса ночных птиц... Аюр еще никогда прежде не покидал окрестностей столицы. Но так долго предвкушаемое путешествие на Змеиный Язык уже успело ему порядком наскучить.

— Все будет, — успокаивал его Ширам. — Потерпи, царевич. Мы еще даже не поднялись на плато...

— Скорее бы, — ворчал Аюр, представляя себе обещанные земли Великой Охоты — как ему их расписывали в столице.

Куда ни глянь, раскинулись просторы, сплошь покрытые цветущим разнотравьем. Когда по траве пробегает ветер, кажется, что колышутся зеленые волны. И там, в этом травяном море, пасутся неисчислимые стада. Олени, мамонты, длиннорогие туры... Поодаль вертятся гиены... А где-то еле качнутся метелки трав — это подбирается к стаду пятнистый саблезубец...

При мысли о саблезубцах у Аюра всякий раз невольно холодело в глубине живота. Все дорогу царевич очень внимательно прислушивался к разговорам ловчих, особенно когда те вспоминали прежние охотничьи вылазки в южные степи Аратты, и все старательно запоминал, чтобы не опозориться, когда дойдет до дела. Нет, конечно, он ездил на конную охоту за винторогами и метко бил из лука по мишеням. Но что может сравниться с Охотой Силы — первой в жизни юноши встречей один на один с огромным, смертельно опасным хищником! Только после нее, вернувшись с достойной добычей, он сможет по праву назвать себя мужчиной.

Аюр хорошо помнил, как в детстве впервые увидел саблезубца, как с криком шарахнулся от оскаленной пасти и выпущенных в прыжке когтей. Хорошо еще, что это было всего лишь чучело! Потом страшный зверь гонялся за ним во сне. И вот теперь ему предстоит выйти против него с оружием — уже не во сне, а в яви...

Впрочем, это все впереди — а пока отряд идет, шаг за шагом поднимаясь вверх. Дорога не слишком крутая и не опасная, только холоднее с каждым днем. И пустынно. До чего же тут пустынно! За все дни пути не встретили ни одного зверя, даже суслика... Аюр потребовал объяснений у Варака, почтенного доверием раба-распорядителя из дворцовой охотничьей палаты, а у того на все один ответ: «Все идет замечательно, о божественный сын Солнца!» И подобострастная улыбка, как пришитая. Надо бы спросить мохначей, только они человеческого языка не знают. Да и не

пристало наследнику Аратты разговаривать с косматыми зверолоудьми.

Аюр расправил крепкие плечи, погладил покрытую золотой чеканкой рукоять кинжала — еще одного предмета мечтаний дикарей. Даже среди арьев царевич считался красавцем и знал об этом. Его длинные волосы, прихваченные на макушке, свободно падали на спину, а на груди, в ушах и на запястьях сверкали украшения. Но яснее всяких сокровищ о знатности говорили его золотистая кожа и яркие светлые глаза. Вот — отличие, данное Солнцем своим первородным сыновьям! Господь Исварха недаром полюбил арьев и даровал им силу и власть. В отличие от всех этих низкорослых, неказистых рабов или звероподобных мохначей. И конечно же, детей ночи — накхов.

Послышались громкие странные возгласы, фырканье. Дикари поднимали в дорогу мамонтов. Небо потемнело: над юношей нависла ходячая гора длинного, сваявшегося грязно-белого меха, над которой вились рои злющих оводов. Варак сказал, что в прежние годы их здесь бывало гораздо меньше. Впрочем, пообещал, что оводы вот-вот отстанут.

Аюр посмотрел вверх — оттуда широко улыбалась, сверкая зубищами, погонщица Айха. Юношу мутило от ее грубого конопатого лица, он даже жалел эту бедолагу, которую угораздило родиться такой уродиной. Впрочем, у соплеменников она наверняка считалась первой красавицей, с ее пышными светло-рыжими волосами — если бы еще убрать из них вплетенные птичьи кости и мышиные черепа. Айха хоть была приветлива, в отличие от своих соплеменников. У тех лица как тупым ножом из дерева вырезаны, такие же неподвижные и ко всему равнодушные. Ширам сказал: боги наказали мохначей родиться такими за тяжелые прегрешения в прошлых жизнях. Потомки накхов упорно верили в перерождения, хоть их странная, темная религия была уже много веков запрещена в Аратте.

Но все-таки одно Аюра в дикарях восхищало. Как они повелевают своими исполинскими зверями! Никогда не кричат и не бьют их, как погонщики быков, у них даже

и бичей нет. Шепнут что-то на ухо, а то просто рукой махнут особым образом — и мамонт делает все, что ему повелят.

Повинуясь возгласу погонщицы, рядом с Аюром свесился хобот. Мамонт свернул его кольцом и подставил под ноги юноше — вставай сюда, подниму!

— Как он умен! Как послушен! — воскликнул Аюр, в восторге глядя на белого мамонта. — Подари его мне!

Мохначка продолжала улыбаться, не понимая вопроса. Тут же рядом возник Варак, задрал голову и принялся что-то втолковывать дикарке. Беседа затянулась.

— Господин, — с виноватым видом повернулся к Аюру дворцовый раб. — Она сказала, что не хочет.

— Что значит «не хочет»? — Аюр грозно свел брови. — Разве не достаточно, что этого хочу я?

— Дикая женщина говорит, что они со своей скотиной как брат и сестра, — не скрывая презрения, перевел Варак. — Дескать, они выбрали друг друга в детстве, вместе росли, питались из одного корыта...

Аюр нахмурился еще сильнее. Сзади беззвучно подошел Ширам. Невысокий и жилистый, как все накхи, он с ног до головы был в черном, из украшений — золотой обручальный браслет на запястье да свернувшаяся в спираль серебряная змейка у ворота плаща.

— Чем это ты тут занят, солнцеликий?

— Она не хочет дарить мне мамонта! — воскликнул царевич. — Как она вообще смеет мне отказывать?

Сообразив, в чем дело, Ширам усмехнулся:

— Зачем тебе мамонт, Аюр? Даже если он добредет до столицы, не подохнув по пути от жары, то непременно застрянет в городских воротах...

За его спиной послышались приглушенные смешки телохранителей. Аюр сделал вид, что не услышал. Он вообще считал, что эти отборные воины-арьи из Полуденных Жезлоносцев слишком много себе позволяют и смеют относиться к нему покровительственно. Но воины, хоть и считались его личной охраной, подчинялись не ему — ими командовал Джериш.

— Дикарка не подарит тебе своего зверя, даже если ты посулишь ей в обмен свой великолепный плащ и охотничий лук в придачу, — продолжал Ширам. — Забудь. Все равно мамонты никого не слушаются, кроме собственных погонщиков. Их когда-то пробовали забирать силой, так они начинали беситься — не уймешь, пока не убьешь. Зато со своими погонщиками даже на саблезубца пойдут.

— А я все-таки думаю: она просто жадина, — пробурчал Аюр и вдруг просиял. — Тогда я забираю мамонта вместе с погонщиком! Мохначи иногда живут в Аратте, я знаю. У дяди Тулума один такой служит при храме с детских лет, Аоранг его зовут — лечит людей и животных, даже научился говорить по-человечески... Мамонту во дворце будет очень хорошо, а городские ворота мы ради него разберем.

— Так и будет, если божественный сын Солнца даст повеление, — подхватил Варак. — А сейчас пора выступать...

— И Солнца сын, вскочив на коня, полночный край обозрел! — донеслось со стороны костра.

Там сутулился над свитками жрец Хаста. Не обращая внимания на сборы, он торопливо покрывал телячью кожу ровными строчками. Рядом стоял глиняный горшок — обиталище неугасимого священного пламени, духа Исвархи. Другой обязанностью жреца было вести записи обо всем, что происходит в пути. Он и вел их слогом, достойным героев.

— Не на коня, а на мамонта, — с усмешкой поправил Ширам. — Скажи, огнехранитель, почему бог песен всегда посещает тебя в самое неподходящее время?

— Для бога нет неподходящего времени! — ни на миг не смутившись, заявил Хаста. — И Солнца сын, на мамонта сев, полночный край обозрел!

Священная гадательная собака, развалившаяся рядом с ним, широко зевнула, распахнув узкую зубастую пасть.

— «Какие дивы, — промолвил он, — меня сюда занесли?» Ай! Ты опять?! — Хаста подскочил на месте, схватившись за голову. Довольная Айха шмыгнула прочь, унося с собой волосок, выданный из его рыжих свалывшихся